

* * *

За плечом у ангела-хранителя –
Белый свет. Храни его, храни.
Пусть он знает, в мире не одни
Он и я. Тем жизнь и удивительна,
Что не ясно, то ли вечный бой
За меня ведёт броня живая,
То ли я от мрака закрываю
Ангела-хранителя собой.

* * *

Цвела Атлантида. И шли по реке корабли.
И с музыкой тёплой ложились ветра на причалы.
Жила Атлантида. Великая. В центре земли.
И гостя любого как старого друга встречала.

Теперь говорят, что всё было иначе, но я
По лицам чинуш, по их едкому, сальному тону,
Всё понял – скрывают. Была Атлантида моя!
Сидят и боятся пускать на руины Платона.

Вывозят леса. Драгоценные. Красных пород.
Пылят большегрузы, сминая асфальт по дорогам.
Была Атлантида. Её многоликий народ
Теперь забывает, но всё ещё помнит о многом.

Её захлестнуло. И смыло. И будто бы нет.
Руины заводов, как древние замки, вдоль трассы.
Лишь память о прошлом сменяется звоном монет,
Становится байкой для сытого «среднего» класса.

Прощай, Атлантида... Один у обрыва стою.
Крикливая чайка кружит над волной одичало.
Я слушаю ветры. Лишь ветры правдиво поют
О том, что однажды всё снова начнётся сначала.

Так что же, не нам обживать край житейских стремнин,
На старых фундаментах фермы и фабрики строить?
Привет, Атлантида! Быть может, я твой гражданин,
Предрекший вслед многим рождение нового строя.

Была Атлантида. И будет. Иначе нельзя.
Иначе мы предали все начинания предков.
Горячие ветры, над гладью речною скользя,
Поют нам о прошлом. Свежо. Неразборчиво. Редко.

* * *

Беспросветное времечко,
Да сосед-хитрован...
Зацелованный в темечко,
Шел по жизни Иван.

Обобрали наивного.
Был раздет и избит.
Сколько видывал дивного?
Сколько было обид?

Горе жгло и корёжило
На потеху врагам.
Меж похмельными рожами
Вёл Господь дурака.

Раны прежние зажили,
Поутихло в душе.
Кто там плёткой охаживал?
Он не помнит уже.

Крест с распятым учителем
Покачнулся на миг...
Улыбнулся мучительно,
И опять напрямик.

* * *

Хмельные речи лезут на язык:
О премиях, о конкурсах и планах.
Но первый тост не вышибет слезы.
Он самый незатейливый... и странный.

А вот второй... Признания звучат
И пьёт поэт коньяк, притворно морщась.
О тех, кого на свете нет, сейчас
Мы третью опрокидываем. Молча.

Опять горланит шумная толпа,
Деля людей на «наших» и «не наших».
Судьба снимает поварской колпак –
Она не зря заваривала кашу.

Сейчас допьём – и ну её хлебать.
Писать стихи и грезить о высоком.
Кому-то – свет и свежие хлеба,
Кому-то – водка горевейным соком.

Бог весть, что будет, где найдём ответ
И что придётся испытать при этом,
Чтоб без зазренья совести поэт
Мог сам себя именовать поэтом.

* * *

На дороге в Тифлис – два вола, запряжённых в арбу.
А навстречу коляска с кудрявым, смешливым поэтом.
Позже он убеждал себя, дескать, про всё позабудь...
Но до смертного часа в подробностях помнил об этом:

Как скрипели колёса, как жарко курился рассвет,
На полнеба алел, словно свежая рваная рана.
«Вы откуда?», – спросил у смурного возницы поэт.
Тот взглянул отрешённо и вымолвил: «Из Тегерана».

По накрытому тряпками грузу скользнул острый взгляд
И напуганный Пушкин, страшась и желая ответа:
«Что везёте?» – шепнул. И как будто качнулась земля,
Оглушённая страшным известьем: «Везём Грибоеда».

На дороге в Тифлис, на изломе горючих времён,
Два следа от повозок в пыли раскалённой белели.
Так двух гениев – каждый великим талантом клеймён –
Параллельными курсами в вечность ввели параллели.

Но ни пыль, ни пурга не меняют истории суть.
По кроващей неонем столице из «Внуково» едут
Похоронной процессией. Спросят: «Кого там везут?».
Но ответ всем известен, конечно: «Везут Грибоеда...».

ЛЕОНИД

*Памяти поэта
Л.Н. Чашечникова*

Закрыта книга, но строка звенит.
Так меч простора просит, в ножнах лёжа.
Не древний царь спартанский Леонид
Владел клинком, но сельский мальчик «Лёша».

А путь его был долог и тернист:
Сквозь сумерки времён, навстречу свету
Шёл молодой, весёлый баянист,
Наш Лёнька – выпускник из «культпросвета».

До самой смерти гол был как сокол.
Ленивую размеренность разрушив,
Сквозь масло будней остро шёл глагол,
Заточенный, чтоб жечь сердца и души.

Вскипала, раскаляясь добела,
Поэзия, замешанная с кровью.
Судьба же «Николаича» вела
То в Астрахань, то вовсе в Подмосковьё.

А строчке нет покоя. Всё звенит.
Всё требует, чтоб я прочёл и понял.
Как будто ждёт почивший Леонид
Того, кто вложит меч в свои ладони,
Чтоб слово обожгло живым огнём
И в ясности звенящей укрепило...

А русские поэты день за днём
Подмоги ждут. И гибнут в Фермопилах.